

Он наблюдал, как Гермiona и Рон, прижавшись друг к другу, скорбели о Полумне. Джинни утешала Невилла, ласково проводя рукой по его спине и утирая слезы с его щек. — Когда-то это мог быть я, — мелькнула мысль, но тут же растворилась, как мираж в пустыне. Он задался вопросом: когда же он стал таким равнодушным? И тут же понял — ответ был получен на собственных похоронах. Он видел, как те, кто отвернулся от него, скорбели о своей собственной участи. Как те, кто изгнал его из Гриффиндора, стыдливо отводили глаза. Как на лицах учителей отражалось сожаление о том, что они не смогли защитить своих учеников. Он считал, что избавился от человечности, пока не держал Полумну на руках, когда она умирала. В ту ужасную минуту он пожалел, что не сделал этого раньше. — Утихнет ли когда-нибудь эта боль? — думал он. Не только от насильственной смерти Полумны, но и от того, что он сам ее бросил, и от того, как она простила его, приняв его таким, какой он есть. — Она знала, — подумал он, — даже не видя его лица, Полумна знала, кто он такой. Она узнала его сердцем, как могла только Полумна. Теперь она была с их матерями, и от этого мир стал еще холоднее. Он радовался за нее, но в то же время ему было грустно за Невилла. Он знал, что Невилл полюбил Полумну такой, какая она была, и любил ее так, как она действительно заслуживала любви. Несмотря на боль, Невилл цеплялся за жизнь, находя утешение в объятиях Джинни Уизли. Невилл был гораздо более сильным и мужественным человеком, чем тот, кем он мог бы стать. Невилл выбрал жизнь, в то время как он выбрал смерть, и они, он и смерть, быстро стали близкими друзьями. Воспоминания о похоронах померкли, когда он посмотрел на серый камень, отмечавший уход из жизни, которая когда-то была яркой и наполненной всеми цветами радуги, а теперь была отмечена бесстрастным серым камнем. Он смотрел на камень так же, как смотрел в зеркало первые месяцы, пытаясь разглядеть в нем хоть какое-то подобие себя. Теперь, глядя на серый камень, знаменующий смерть, он понял, что лицо, которое он видел в зеркале, было таким же, как и этот серый камень... знак смерти. Обманул ли он смерть? Обманул ее? Манипулировал ею? А может, он обманул только себя, заставив поверить в это? Тело, в котором он сейчас находился, было холодными останками другого человека, безжалостно покинувшего этот мир. Пожирателя смерти без опознавательных знаков, которого схватили во время посвящения. Как заслужить страшную метку Волдеморта? Темная метка зарабатывается бессердечным изнасилованием магла и последующим убийством этого магла и всей его семьи, вынужденной наблюдать, как их дочь, сестра, возможно, даже мать... страдает под каким-то свиньей-насильником. Тело, в которое он был облачен, уже сделало это, или, по крайней мере, попыталось сделать, пока его не задержали. Его, или, скорее, его... судили и признали виновным, приговорив к поцелую дементора. Душа была удалена, но тело продолжало жить. Не имея семьи, которая могла бы претендовать на него, Невыразимцы забрали тело, чтобы использовать его в своем экспериментальном подразделении заклинаний. Они и представить себе не могли, как в конечном счете будет использовано тело. Дракон называл это провидением. Другие называли это желанием судьбы исправить тяжкую ошибку. Он же называл это чистилищем. Он был похоронен в сером камне, который озаменовал уход из жизни. Надпись на сером камне, озаменовавшая ее уход, была такой же, как и руны, выжженные на его груди, которые привязали его душу к этой плоскости, к этому телу. И камень, и тело отмечали начало и конец жизни. Глядя на могилу Полумны, он надеялся однажды изменить серый камень на яркий цвет, которым была ее жизнь. Сотрет руны, омрачающие его собственную плоть, и сможет наконец обрести покой на земле или в следующем великом приключении. Но этот день подождет, пока он не избавит мир от Волдеморта. Теперь он был Невыразимцем. Он заслужил свое место среди них, завершив обучение раньше срока и превзойдя все ожидания, даже дракона. Более того, он заслужил место среди более продвинутых отрядов, в итоге попав в группу поиска и уничтожения Грифона. Они были молодым отрядом, он сам был самым молодым менталистом в группе, но по возрасту его телу было около двадцати лет. Дрэгон дал ему свое кодовое имя, или, как называли его Невыразимые, их семейное имя друг для друга: Рейф. Дрэгон все еще забавлялся, усмехаясь над иронией. Несмотря на это, имя ему нравилось. Это был он — дух мщения,

вернувшийся из мертвых. Дождь усилился, отвлекая его от скорбных мыслей. До этого момента он думал, что мокрое лицо — это его собственные бесконечные слезы. С последним вздохом сожаления он отвернулся от серого камня и вернулся к своим товарищам, которые терпеливо ждали его под промокшим дождем. Ни один из них не высказал ни малейшей жалобы: они лучше других понимали, что значит сражаться изо всех сил, чтобы победить, но в итоге проиграть, столкнувшись с такими горькими последствиями. Рейвен ободряюще сжала его плечо. Ему не нужно было видеть глаза друга, чтобы понять, что они полны сострадания. Рука Дозера обхватила его за талию, притягивая к себе в полуобъятиях. Грифон подошел к Рейфу и осторожно наклонил его голову вперед, чтобы поцеловать в лоб. Вдалеке Сталкер осматривал кладбище, проверяя, все ли в порядке, чтобы его траур остался незамеченным. Дрэгон и Хамелеон стояли у ворот кладбища и тихо переговаривались, ожидая возвращения своих товарищей и подопечных.

<http://tl.rulate.ru/book/104997/3690096>